

Магнитогорский фотоголик из Антверпена

➤ Франклин ван Хеес из тех людей, кто любит классический подход к фотографии

О ПРЕДСТОЯЩЕЙ выставке «Дети ночи» в картинной галерее заговорили задолго до ее открытия. У одного в разговоре промелькнет имя Фрэнк, у второго... И потом собеседник, как бы осекшись, спрашивает: «Ну, ты же его знаешь?»

Конечно: голландского фотографа Франклина ван Хееса впервые увидел девять лет назад в одной из городских редакций, где на тот момент работал. Привел его фотограф Игорь Лагунов. О чем было с ним говорить? Он не знает русского, мы – ни его родного голландского, ни французского, ни английского. Лишь корреспонденту Евгении Девятовой языковой барьер не стал помехой. Начала на английском задавать ему вопросы о работе. После той встречи с Фрэнком пересекались несколько раз, было это в первой половине нулевых. Потому-то и удивительно, что меня он с тех времен запомнил, а вот с самой Евгенией «перезнакомился» спустя шесть лет, женился на ней, и теперь они растят дочурку Полину.

И вот сейчас Франклин созрел для первой своей выставки не только в Магнитогорске, но и в России. Честно говоря, не ожидал, что столько народу придет на открытие. Здесь тебе и художники, и фотографы, и... историки во главе с деканом исторического факультета Михаилом Абрамзоном. Именно с их помощью когда-то Фрэнк и начал свое знакомство с Магнитогорском.

«Дети ночи» – не резкий черно-белый мир, в основном, нашего города. Поначалу присматриваешься к снимкам – ничего не понятно. Но, приглядевшись, начинаешь различать свет, идущий от фонарей,

размытые трамваи, дома, парки, сидящих людей. И все это снято фотокамерой Leika на черно-белую пленку. В голове мелькает мысль: магнитогорские фотографы вряд ли работы голландца оценят. Хотя, кто знает...

Общаться же с Фрэнком пришлось с помощью его супруги, за что ей большое спасибо. За десятилетнее пребывание в России голландец из бельгийского Антверпена по-русски практически так и не научился говорить.

– Пленка, фотокамера Leika, черно-белый мир. Создается впечатление, что все это некий фетиш. Вроде, «цифра» успешно завоевывает фотомир, а тут...

– У меня не только Leika, есть еще среднеформатные Hasselblad, Rolleiflex и большой Linhof. А с цифровой техникой совершенно невозможно делать то, что я делаю. Плюс – мне нравится черно-белый цвет. Лет пять-шесть лет назад я купил цифровую камеру, поработал с ней всего пару часов и понял, что это не мое. Подарил ее другу.

– Как оказался в России, в особенности – в Магнитогорске? Мне кажется, для обычного иностранца наш город не представляет никакого интереса.

– Когда работал в одном из музеев Бельгии, не все выставки, которые приходилось там организовывать, мне нравились. Были и талантливые, и не очень, а мне хотелось чего-то своего, принципиально нового. Захотелось заняться хорошим проектом, как-то выразить себя. В девяностые годы со знакомым несколько раз посетил Украину. Понравилось, прекрасно

там себя чувствовал, все было интересно. Вот и подумал: если уж начинать проект, то он должен быть большим. Решил из маленькой Украины поехать в большую северную страну. Россия – самая интересная страна, с самой интересной историей, особенно – XX века. Некоторое время занимался исследованием России, много читал про коммунистическое время, где часто встречалось слово Магнитогорск...

– Вот уж никогда бы не подумал...

– Проект престижа Сталина. Индустриализация. Строительство Магнитки... Магнитку строили в социалистическую эпоху. В России немного таких городов, а на Западе,

например, их нет вообще.

Ночь – время страшное, но и в ней можно увидеть музыку и поэзию

Тогда же я составил список городов, которые хотел бы посетить. А начать решил именно с Магнитогорска. Приехал на несколько недель и понял, что об остальных городах можно забыть: если что-то хочется понять о стране и ее людях, лучше остаться в одном месте, детально в него углубиться, а не мотаться по городам и весям.

– Но на выставке есть работы, которые сделаны в Новосибирске, Сатке...

– Постольку-поскольку у меня есть круг друзей, то периодически я куда-нибудь выезжаю. Как правило, поездки недолгие, я нигде надолго не остаюсь (смеется, кивая на Евгению, тем самым давая понять, почему надолго остается лишь в нашем городе. – Прим. авт).

– Если не ошибаюсь, то с нашей страной связан еще один твой проект – душевнобольные люди.

– Этот проект не только о России. Это некий параллельный мир, живущий по собственным законам. Я бы пока не хотел вдаваться в подробности, так как проект еще не закончен. Могу только сказать, что это – макромир, который никак не связан с жизнью России как таковой. Это сложно объяснить на самом деле. Эти съемки – своеобразный противовес тому, что происходит во внешнем мире. Общество сейчас сильно меняется, а вещи, люди, которых я снимаю там, всегда остаются неизменными. Для нас это – закрытая дверь, за которой происходят ужасы. На самом же деле ты просто видишь людей, которые и там тоже остаются людьми. То же самое общество, те же самые ценности...

– Тогда поговорим о «Детях ночи». Поскольку я не видел других твоих работ, мне даже не с чем сравнивать.

– Потому что их здесь никто не видел, – замечает Евгений.

– Зачем на этих снимках такая размытость?

– Портретные и репортажные фото для меня – основная часть. Они, понятно, должны быть четкими, так как есть определенные каноны, с которыми лучше не экспериментировать. Ночное фото – вот место для эксперимента. Можно фотографировать со штатива, как это делают многие фотографы, и выйдет очень круто, но – абсолютно неинтересно. Красивые и четкие ночные картинки, которые, в общем-то, делаются в изобилии, не содержат конфликта. Они скучны. Их миллионы. А вот сделать, чтобы получилось что-то новое, передать какую-то сильную эмоцию – это совершенно другое. Здесь не обойдешься одной лишь красотой. Я стремлюсь сде-

лать фото выразительным, хоть и снимаю без штатива и с большой выдержкой.

Почему выставку назвал «Дети ночи»? Это навеяно фильмом «Дракула» Брэма Стокера. Когда в Трансильванию приезжает испуганный юноша, его встречает граф Дракула под маской благодушного хозяина. В какой-то момент они слышат вой волков, и Дракула говорит: «Вот, слушай, какую музыку дети ночи создают»... Мои работы – для кого-то пугающие, для кого-то – непонятные. Ночь – время страшное, темное. Но если посмотреть под другим углом, в ней можно увидеть музыку и поэзию. На открытии кто-то сказал по поводу экспозиции, что это не уровень Магнитогорска, мол, нужно делать по-другому, более эпатажно, чтобы публика приняла на ура...

– Кстати, Фрэнк, как в Европе обстоят дела с фотопленкой, в особенности – черно-белой? Знаю, что в Магнитогорске с этим ну очень туго.

– Здесь действительно проблема с негативами. Покупаю все в Бельгии, проявляю, ретуширую и печатаю сам, у меня есть своя черная комната. Масса времени уходит на то, чтобы выбрать снимок, что-то подретушировать, сделать потемнее-посветлее. Подогнать все это под принтер, распечатать. Я из тех людей, которые любят классический подход к фотографии. Фотоголик, одним словом ☺

ИЛЬЯ МОСКОВЕЦ
➤ ФОТО АВТОРА

ФОТОРЕПОРТАЖ
смотрите на нашем сайте
www.magmetall.ru

➤ Реальность становится все больше похожа на фотографии. Сюзан ЗОНТАГ